

РЕЦЕНЗИИ

Н. В. Кабинина. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2011. — 342 с. : карта (Труды Топонимической экспедиции).

Изучение субстратной топонимии Русского Севера имеет солидную временную традицию и значительные результаты, но при этом по-прежнему остаются неразрешенными многие фундаментальные вопросы, связанные с ее возникновением и функционированием. Признавая ее финно-угорские истоки, современная наука пока что далека от ответа на вопрос о более конкретной атрибуции дорусской топонимии в разных концах севернорусского ареала, а также о соотношении слоев многослойной субстратной топонимии. Остаются нерасшифрованными многие сотни речных наименований, по-прежнему актуален вопрос о происхождении речных формантов.

Решению названных вопросов посвящено исследование Н. В. Кабининой. Оно представляет собой новый этап этимологической и этноисторической интерпретации субстратных названий финно-угорского происхождения, относящихся к территории Архангельского Поморья. Работа выполнена в лучших традициях екатеринбургской ономастической школы, ее отличает знание глубинных механизмов и закономерностей формирования и бытования топонимической системы, опора на обширные коллекции полевого материала, исключительная тщательность в исполнении.

Этимологическое исследование субстратной топонимии предполагает некоторые исходные методические позиции. Для данной работы это, во-первых, метод семантического моделирования, в соответствии с которым региональная русская топонимия служит основанием для построения «семантических координат» этимологического исследования субстрата. При этом понятно, что природные условия, уклад жизни, характер мышления финно-угорских народов отразились на формировании ряда отличных от русской традиций топонимической номинации. Я бы добавила к этому, что существуют и явные отличия в прибалтийско-финской и саамской номинации. Саамская топонимия в силу промысловой культуры населения и связанного с ним мобильного образа жизни отличается значительным количеством так называемых «событийных» топонимов, в том числе девербальных образований, и в этом смысле менее «строга» в выборе топооснов, чем прибалтийско-финская. Второй исходный методический прием — это организация материала по принципу от более надежного к менее надежному. Он воплотился в структуре исследования: разбор топонимических данных начинается с выявления финно-угорских географических лексем, выступающих в функции детерминантов как имеющих в большинстве своем надежные этимологии и поэтому задающих основу для дальнейшего этимологического поиска. Список включает около 40 единиц,

большая часть которых так или иначе попадала в сферу интересов исследователей субстратной топонимии Русского Севера. Однако присутствует и ряд новых для исследовательской практики элементов, а также предложены дополнения, уточнения, а иногда и новый подход к этимологической интерпретации. Среди них *-галь*, *-молка*, *-чалга*, *-пола/-пала*, *-болда/-балда*, *-орома*, *-нарья/-нарка*. Предложенный анализ и подходы представляются в целом убедительным. Позволю все же высказать некоторые соображения, связанные с этноязыковой интерпретацией отдельных детерминантов.

При анализе *-ванга* (с. 101–102) следует, видимо, учитывать собственно карельский термин *venki* ~ *vengi* ‘бухта, залив в озере или реке’ [KKS], имеющий свой убедительный топонимический ряд в Карелии и соотносящийся, очевидно, с фин. *venki* ‘изгиб, поворот’, *venku* ‘извилистый, кривой’ [SKES]. Такой подход дает возможность внести поморскую структуру *-ванга* в ряд тех топооснов, в которых прибалтийско-финскому *e* соответствует *a* (среди них *вахта*, *шалга*, *пахта* ‘болото’ (ср. *-похта* в монографии), *вагмас*, топооснова *Падра-*).

С учетом прибалтийско-финской практики детерминант *-полье* (с. 109) в ойконимах все-таки предпочтительнее возводить к прибалтийско-финско-саамской лексеме *puoli* ‘сторона, половина’. Во всяком случае, именно она бытует в карельской ойконимной модели [Nissilä, 1975, III], восстанавливается в целом ряде субстратных названий поселений в русской Карелии (*Рамполе*, *Янишполе*, *Кургополе*, *Каргополе*, *Цилополь*, *Таржеполь*), а также представлена в калькированных ойконимах типа *Акинфина Сторона* и *Максова Сторона*.

По крайней мере, две структуры, отмеченные в списке детерминантов, т. е. структурных элементов сложных топонимов, указывающих на разряд называемого объекта и выраженных географическим термином, являются, скорее, топоформантами. Это *-ньга* (с. 100), см. последние по времени публикации российских и финляндских исследователей [например: Kiviniemi, 1980; Kuzmin, 2010], связывающих его с финно-угорским диминутивным суффиксом, и *-Вкса* (с. 112), который является коррелятом форманта *-Vc*. Отсылка к приб.-фин. *oksa* ‘ветвь’ вряд ли уместна, поскольку данная структура не используется в оригинальной прибалтийско-финской топонимии в функции детерминанта, выраженного географическим термином.

В соответствии с методикой организации материала на следующем этапе этимологической интерпретации рассматриваются топонимы, содержащие в основе географический термин и термины с пространственным значением. Этот раздел исследования следует признать наиболее удачным. В нем предложен целый ряд новых для исследования субстратной топонимии Русского Севера этимологий, выверенных (нередко безупречных) как фонетически, так и семантически (*Пудежда*, *Мельозеро*, *Вилямозеро*, *Падера*, *Оногра*, *Уна* и *Унежда*, *Мелогора*, *Тельменца*, *Нальостров*, *Салага*, *Каватозеро*, *Керёндус*). Очень убедителен развернутый текст в статье *Ягра*. Автор удачно добавляет, уточняет, исправляет ставшие в ряде случаев почти классическими интерпретации А. К. Матвеева (*Няра*, *Палтос*, *Мегра*, *Кярега*). Позволю себе только несколько частных замечаний.

Топооснова *Пур-*, видимо, не сводится однозначно к *puro* ‘ручей’, но в соответствии с прибалтийско-финскими аналогами отсылает к *purnu* / *puurnu* ‘закром’ и *puraz* : *puraha-* ‘пешня’.

Точно так же не следует сводить все топонимы с основой *Ламб-* и особенно *Ламбас-* к приб.-фин. *lampi / lambi* ‘лесное озеро’. В данном случае прав, скорее, А. К. Матвеев, отмечавший возможность сопоставления с приб.-фин. *lambas* ‘овца’. В топонимии Карелии эта основа исключительно продуктивна в названиях ближайших к поселениям островов, озерных и речных мысов (ср. в материале монографии остров *Ламбас*, мысы *Ламбасмена*, *Ламбасмина*, а также названия покосов *Ламбас*, *Ламбасово*), на которые вывозились на летнее время овцы. Непродуктивность соответствующей семантической модели в русской топонимии региона может быть связана с тем, что, видимо, все-таки нет жесткой связи между русской и субстратной семантическими моделями, что констатируется и в заключительных главах книги. Кстати, в русских районах Карелии русский вариант *овца-* тоже малопродуктивен.

Для названия порога *Юг*, расположенного к тому же на западе ареала, логичнее исходить из карел. *juka* ‘порог’ [KKS; SSA], чем из саамского, обозначающего впадину оригинала, особенно с учетом того, что основа продуктивна в карельской топонимии.

Предложенные для *Пермского озера* этимологии можно дополнить еще одной, возводящей основу к финскому термину *permi* ‘особый вид ловушки’, который считается дифференцирующей емской топоосновой, маркирующей территории промыслового освоения еми в северной Финляндии и Карелии, где представлен убедительным ареалом [см., например: Vahtola, 1980; Муллонен, 2001].

Обширная пятая глава исследования описывает финно-угорскую топонимию региона с опорой на ее точное или близкое апеллятивно-идеографическое соответствие русским аналогам. Предложена этимологическая интерпретация более 300 топооснов, которые разделены на несколько идеографических групп. Помимо принципа соответствия русской топонимической идеографии автор совершенно справедливо оперирует таким критерием надежности этимологии, как продуктивность соответствующей топоосновы в прибалтийско-финской или саамской топонимии, наличие географически смежных русских топонимов, в которых выступает семантически эквивалентная основа. В данной главе предложен целый ряд перспективных достоверных этимологий, среди которых *Коварозеро*, *Кивокурья*, *Ледозеро*, *Хедостров*, *Чарекома*, *Сиваручей*, *Куя*, *Анзер*, *Каинцы*, *Ушкозеро*, *Вождоромы*, *Пудвей*, *Жижгин остров*, *Кепола*, *Выношница* и многие другие. Следует отметить, что материал исключительно сложен для интерпретации — в силу его многослойности, нестабильности, наличия лишь фрагментарных исследований по смежным территориям. Именно этим вызваны некоторые вопросы.

Понимая, что в регионе Поморья была своя специфика и тамошняя топонимия не может быть сведена к прибалтийско-финской топонимии Карелии и Финляндии, я обратила бы все-таки внимание на то, что ряд топооснов, интерпретируемых в монографии как прибалтийско-финские, не востребованы в живой прибалтийско-финской (карельской, вепсской, восточнофинской) топонимии. В качестве примера приведу группу «Звуковые признаки объектов». Как свидетельствует исследование, проведенное Э. Кивиниеми, эта семантическая модель актуальна для финской и карельской топонимии, в которой представлено несколько десятков топооснов и каждая воплощена в целом ряде примеров [Kiviniemi, 1971]. Однако при сопоставлении списка Кивиниеми и списка соответствующих поморских основ оказывается, что только для небольшой части из них находят совпадения (*jyrisevä*, *turiseva / toriseva*, *töhiseva*, *humisevä*). К тому же, исходя из прибалтийско-финской модели, следовало бы, видимо, и в поморских топонимах

данной группы реконструировать модель причастия, оформленную соответствующим образом, т. е. с использованием сильной гласной глагольной основы (хороший пример в данном случае поморский топоним *Дурьжиха*, в котором представлена глагольная основа *turise- ~ turiže-* ‘фырчит, шумит’ с последующим озвончением начального согласного). Очевидно, такая ситуация требует комментария: стоит ли за ней специфика языка Поморья или она объясняется погрешностями в этимологической интерпретации.

Для некоторых топооснов возможно другая, чем в тексте, более убедительная в силу типологии номинации расшифровка: для названия мыса *Кеньга* вместо предлагаемой метафоры от *kenkä* ‘обувь’, непродуктивной в прибалтийско-финской топонимии, более перспективна связь с карел. *kenk(k)u* ‘холм, пригорок’ [см.: Мамонтова, Муллонен, 1991], точно также, как в названии порога *Рюрики* естественнее видеть результат фонетического развития из **Юрики*, восходящего к высокопродуктивной в карельской топонимии модели *Juurika / Juurikko*, чем реконструировать в его основе незасвидетельствованное словарями звукоизобразительное слово.

Иногда хотелось бы видеть более детальную и, соответственно, более убедительную фонетическую проработку предложенных в работе этимологических гнезд (ср., например, перечисление в одном гнезде топонимов *Харгомина*, *Харьки*, *Хер*, *Херминский ручей*, *Херья*, которые в действительности, видимо, имеют разные истоки).

Отмечу также несколько вольную интерпретацию семантики отдельных прибалтийско-финских лексем. Так, прибалт.-фин. *karmea*, *karmakka* имеют семантику ‘холодный, прохладный’ применительно к погоде или характеру человека, но не холодной воде. В топонимии востребована, скорее, присущая слову семантика ‘неровный, с выбоинами и колдобинами (о поверхности земли)’ [KKS].

Несмотря на высказанные замечания, полученный результат, безусловно, убедителен и существенно продвигает вперед этимологические исследования субстратной топонимии Русского Севера.

Наиболее сложный для разбора материал сосредоточен в шестой главе, в которой представлены финно-угорские топонимические апеллятивы, не имеющие аналогов в русской топонимии. Особенно сложно анализировать метафорическое использование апеллятивов в топонимии — и потому, что этот вопрос далек от разрешения в финно-угорской топонимии, и в силу того, что метафоры могут быть локальными. Значительное количество представленных в данной главе метафор восходит к наименованиям частей тела человека и животного, что оправдано соматическими истоками многих географических терминов в финно-угорских языках. Автору удалось, как представляется, предложить ряд убедительных интерпретаций, отражающих особенности финно-угорского видения ландшафта (*Кагломин*, *Урехмина*, *Кирбасова река*, *Хамарнаволок* и др.). Вместе с тем есть резерв для дальнейшего исследования (*Кяндя*, *Тамица*, *Нижмозеро*, *Матигоры*, *Маложма*).

Я предложила бы другую возможность для интерпретации некоторых топонимов, например, оз. *Канделье* (возможно, и покос *Кандалухи*) может содержать название народного музыкального инструмента *kantele(h)* ‘кантеле’. Это устойчивая метафорическая модель, маркирующая форму объектов, достаточно востребована в Карелии для называния небольших по размерам озер и островов. В свою очередь, в топооснове *lyly* ‘комель’ в карельской и финской топонимии реализована, скорее, идея ‘кривой’, чем ‘верх, верхний’ [см., например: Suomalainen paikannimikirja, 2007]. Для архангельских топонимов

мов *Пеллека*, *Пельека*, *Пеллега* с учетом карельских *Pielekkä* (неоднократно), а также *Пелейка* (с вариантом *Пельека*) в русской Карелии, в том числе в Поморье, которые интерпретируются как карельские суффиксальные производные с суффиксом *-kka* от приб.-фин. *pieli* ‘бок, край’, не обязательно исходить из саамской метафоры, которая к тому же оставляет открытым вопрос об истоках конечного элемента *-ка*. Впрочем, поставленные вопросы не меняют общей положительной оценки интерпретации очень неоднозначного для исследования материала.

В седьмой главе подводятся методические и лингвистические итоги предпринятого этимологического анализа. В частности, предложены убедительные результаты использования моделирующего подхода, подводящие к выводу о том, что построение этимологически ориентированной русской «семантической сетки» следует признать необходимой начальной ступенью изучения топонимического субстрата любого региона Русского Севера. Отдельно представлены лингвистические итоги анализа более чем 1 600 субстратных топонимов региона. Среди фонетических итогов исследования наибольшую ценность представляет установление некоторых особенностей русской передачи специфических финно-угорских звуков, например, в районе Мезени или Онежского полуострова. Среди морфологических результатов особо следует отметить выделение диминутивных формантов с саамскими истоками *-Vnč* (его выделяет также Д. Кузьмин в целом ряде топонимов Карелии, в том числе Карельского Поморья [см.: Kuzmin, 2010]), *-aš* и особенно *-šm*. Последний редко попадал в поле внимания исследователей и не получил однозначного объяснения. Предложенная в монографии трактовка его как архаического суффикса с диминутивным значением полностью согласуется и с топонимической типологией, и с дистрибуцией ономастических и апеллятивных формантов. Выделение данного форманта и выявление его истоков — одно из важных достижений исследования Н. В. Кабининой.

Однако те две модели, которые предложены для происхождения загадочного гидроформанта *-ньга* (с. 276–277), являются с позиций прибалтийско-финского слово- и топонимобразования искусственными и маловероятными. Продуктивнее искать его истоки вслед за рядом исследователей (например, Э. Кивиниеми) в диминутивном форманте, родственном *-Vnč*.

Среди итоговых наблюдений в области семантики представляется продуктивным для дальнейшего исследования выявление причин смысловых различий русских и финно-угорских топонимов, которые кроются в своеобразном видении объектов в силу разного уклада жизни и хозяйственного опыта, а также в исторически сложившихся этноязыковых традициях именования. К сожалению, автор обошел вниманием дифференциацию саамских и прибалтийско-финских моделей номинации, вызванную разным опытом освоения пространства.

В заключительном разделе исследования представлена этноисторическая интерпретация проведенного этимологического анализа. Современная ономастика постепенно продвигается в интерпретации истоков прибалтийско-финского населения архангельского Поморья. Наряду с бесспорным карельским элементом в работе выделяется свойственный для западных пределов архангельского Поморья поздний финский пласт, связанный с продвижением в XVII в. вместе с потоком карелов некоторых представителей финского этноса. Этот вывод согласуется с теми наблюдениями, которые сделаны в Карелии в ходе исследования топонимии западного Беломорья об отчетливых следах

саволаксов и менее отчетливом наследии еми, причем последнее имеет явно более ранние корни и связано с промысловым освоением Поморья в раннем Средневековье [см.: Kuzmin, 2010; Кузьмин, 2011]. Автор считает возможным вычленил и хронологически более ранний прибалтийско-финский след в топонимии нижней Онеги, характеризующийся некоторыми южноприбалтийско-финскими особенностями в лексике и фонетике. Кроме того, на нижней Двине на основе трех фонетических и одного морфологического топонимических сигналов реконструируется вымерший, так называемый чудской этнический компонент. Очевидно, для более определенных выводов здесь требуются дальнейшие исследования и поиск дополнительного дистрибутирующего материала. Приходится констатировать, что предшествующий карельскому гипотетический прибалтийско-финский этап в освоении Поморья пока что плохо уловим. Предстоит продумать, как увязать выводы данного исследования с высказанными ранее финским исследователем Янне Саарикиви соображениями о южноприбалтийско-финских особенностях древней топонимии Пинеги [Saarikivi, 2006], с выявляющимся в карельском Поморье ранним промысловым емским продвижением, а также с тем, что некоторые из «чудских» сигналов присутствуют, например, в Пудожье и Кенозерье. Среди последних географический термин *пахта*, сопоставимый с приоб.-фин. *pehku*, топонимический детерминант *-ванга* (ср. карел., фин. *venki*), передача приоб.-фин. *e, i* через *ы* (например, *Тырнаволок, Кырбас*).

Достижением работы является выявление бесспорного, многослойного саамского наследия, обнаруживающегося не только в макро-, но и в микротопонимии, сохраняющего следы непосредственного саамско-русского контактирования, а также соотносящегося с отдельными восточносамскими диалектами. В то же время вопрос (один из самых сложных вопросов в исследовании субстратной топонимии Русского Севера) о том, что такое саамы в регионе Архангельского Поморья с позиций саамского этногенеза и какой этап в этом процессе они представляют, остался, как представляется, без четкого ответа. Я. Саарикиви [2006] обратил внимание на отсутствие в архангельской топонимии специфических субстратных (палеоевропейских, протосаамских) маркеров, являющихся языковым наследием древнего населения Фенноскандии, сыгравшего существенную роль в складывании собственно саамского этноса. Ср. эту же мысль у А. К. Матеева [2004, 227]. Иначе говоря, по данной схеме в архангельской топонимии отразился не современный саамский этап, а предшествующий ему, который может быть условно назван праприбалтийско-финско-саамским (фин. *varhaiskantasuomi*), т. е. отражающим древнее, еще не расчлененное на собственно прибалтийско-финское и саамское языковое состояние. Для окончательного ответа на вопрос о том, что представляли собой саамы Архангельского Поморья, было бы полезно в будущем проанализировать этимологические истоки тех саамских топооснов, которые представлены в Поморье: являются ли они финно-угорскими / праприбалтийско-финско-саамскими (судя по примерам, многие именно таковы) или протосаамскими (таковые тоже обнаруживаются). Кроме того, важно прояснить возможность связей через пролив с саамским Кольским побережьем, особенно для Примезенья.

Заслуживают безусловного внимания выявленные комплексы достаточно плотных смежных микроареалов пермской топонимии в регионе, а также выводы о разновременности пластов пермской топонимии. В результате проведенного исследования преодолена, как представляется, та неопределенность, которая существовала до сих

пор в высказываниях исследователей о пермской составляющей в топонимии Поморья. Фундаментальным итогом исследования стало воссоздание подробной региональной карты, отражающей состав и локализацию финно-угорских этнических групп в эпоху, непосредственно предшествовавшую их обрусению.

Завершая рассмотрение основных положений исследования, отмечу еще раз, что работа Н. В. Кабининой является значительным шагом вперед в постижении сложных и неоднозначных законов формирования субстратной топонимии Русского Севера, а через нее — населения и культуры этого региона.

-
- Кузьмин Д. В.* Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Тр. Карел. науч. центра РАН. 2011. № 6. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып. 2. С. 45–56.
- Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–38.
- Kiviniemi E.* Suomen partisiippinimistöä. Helsinki, 1971.
- Kiviniemi E.* Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. № 4. S. 319–338.
- KKS —* Karjalan kielen sanakirja. 1–6. Helsinki, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XVI).
- Kuzmin D.* Nimistö Vienan karjalan asutushistorian lähteenä // Virittäjä. 2010. № 2. S. 223–252.
- Nissilä V.* Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. Tartu, 2006.
- SKES —* Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XII).
- SSA —* Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 556).
- Suomalainen paikannimikirja.* Helsinki, 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 146).
- Vahtola J.* Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Septentrionalia, 3. Kuusamo, 1980.

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)
mullonen@sampo.ru

Рукопись поступила в редакцию 21.10.2012 г.

Доржиева Г. С. Аборигенные топонимы Квебека — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 204 с.; Она же. Франкофонные топонимы Квебека (этнолингвистический аспект). — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 352 с.

В последние десятилетия заметным явлением в науке стала деятельность бурятских ономастологов Улан-Удэнского университета, работающих под руководством профессора Л. В. Шулуновой (1951–2011), основателя научной школы «Региональная ономастика». Яркий представитель этой школы — Галина Сергеевна Доржиева, автор более 80 научных и учебно-методических работ по проблемам коммуникативной лингвистики, межкультурной коммуникации и ономастики. Серьёзная¹ теоретическая подготовка и знание предшествующей научной литературы — как отечественной, так и зарубежной (в том числе благодаря работе в фондах библиотек Канады), посвящённой топонимии Северной Америки, — позволяют автору свободно ориентироваться в области социолингвистики, этнолингвистики, лингвогеографии, лингвокультурологии, ономастики и других разделов и направлений науки.

В марте 2012 г. Г. С. Доржиева успешно защитила докторскую диссертацию, тема которой «Топонимия Квебека как отражение франкоязычной культуры региона (этнолингвистический аспект)» нашла воплощение в одной из рецензируемых монографий.

Обе книги автора тесно связаны между собой не только из-за общего объекта исследования — территории канадской провинции Квебек, но и благодаря единому подходу к аборигенной и франкоязычной топонимии с преимущественным вниманием к этнолингвистическому аспекту. Этим определяется и основной круг вопросов, затрагиваемых в монографиях.

Первая по времени публикации монография «Аборигенные топонимы Квебека» состоит из введения, трёх глав и заключения. Названия глав: «Формирование аборигенной топонимии Квебека», «Этнокультурные особенности аборигенной топонимии Квебека», «Национально-культурные коннотации и лексико-семантический потенциал аборигенной топонимии Квебека».

Доскональное изучение аборигенной топонимии канадской провинции Квебек — особая заслуга автора. Тема эта мало исследована в отечественном языкознании. Между тем топонимы Квебека инуитского и индейского происхождения представляют собой древнейший топонимический субстрат Канады, их этимологизация часто бывает затруднительной и потому дискуссионной, и они требуют этноязыковой интерпретации. В настоящее время в Квебеке существуют три большие автохтонные группы: инуиты в арктической тундре, алгонкины в северных лесах и ирокезы в долине реки Св. Лаврентия. Автор подробно анализирует историю формирования аборигенной топонимии на фоне миграций этнических коллективов, их места в канадском социуме и роста этнического самосознания в последние десятилетия.

Раздел «Актуальные проблемы аборигенной топонимии» важен не только для топонимии Квебека и Канады в целом, но и для характеристики государственной языковой политики во всех странах с многонациональным составом населения — это касается в том числе и нашей страны. Государственная политика Канады в течение трёх поколений (с начала XX в.) препятствовала сохранению и распространению аборигенной

¹ Написание буквы «ё» сохранено по просьбе автора. — *Прим. ред.*